

Передайте буренкам, мы еще постараемся

ВДОГОНКУ ЗА ЮБИЛЕЕМ

С Александром Ширвиндтом мы встретились случайно на какой-то очередной презентации. Решили поговорить. Александру Анатольевичу исполнилось 60, и разговор завязался о годах его молодости, о шестидесятых.

— Александр Анатольевич, а нельзя ли подробнее о том, что было нельзя?

— Практически все. В Москве работали замечательные эстрадные коллективы в так называемых домах интеллигенции. Был потрясающий коллектив К. Фюнта в Доме журналистов. Там сотрудники КГБ сидели и думали: не дай Бог, что-нибудь просочится наружу. А здесь пусть гуляют, чтобы не было разговоров, что все задували.

Хороший коллектив творил в Центральном доме работников искусств. Там собирались писатели во главе с Лешей Полевым. Был потрясающий эстрадный театр «Синяя птичка». Это кинодела. Там «тусовались», как принято сейчас говорить, Мордюкова, Глузский, Тихонов.

Замечательно смотрелся коллектив «Архитектурно-строительный кошмар». Я руководил аналогичным театром в Доме актера. Все мы играли для себя, обменивались находками и радовались. Время было такое: кто кого переострит.

— А что же теперь? Что все-таки лучше: когда нельзя или когда все можно?

— Естественно, когда можно.
— А с точки зрения артиста?
— Сатира не может существовать без запрета. Она изначально гонимая. Сейчас же юмористы не знают, что делать. Начинают катить бочку на искаленную жизнью Думу, на Жириновского. Это надевает. Никто ведь давно уже не огрызается на критические выпады. Депутаты заседают так, что могут переострить кого угодно. Их фарс сильнее и ярче, чем то, что потом по этому поводу пишут.

— Остается проблема актерского мастерства?

— Конечно. Если раньше была полупрофессиональная, резкая, острая сцена, то сейчас нужно брать искусством перевоплощения. Юмор, как ни странно, возвращается в общечеловеческую гавань. Вспомните: даже Райкин выше домоуправы и милиционера не подымался. А если иногда пытался, был огромный скандал. А сейчас его коллеги сами с правительством слезают. В искусство возвращаются времена домоуправов, семейных сцен. Ведь это жизнь, воздух, игровые миниатюры.

— Значит, есть шанс, что искусство станет выше?

— Сейчас рост мастерства и свободы дает пока только количественный скачок. В Москве 400 молодежных театров. На досках, на крышах. Но серьезного в них мало.

— Но и нынче всходят имена, не так ли?

— Всходят пачками, но жидко.

Возьми футбол, любой вид спорта, искусство. Нет прежних лидеров. Ходили на имена и сейчас ходят. Но имена-то, как правило, с бородой.

— Может, это время такое? Таланты тоже приходят наплывами.

— Идет пробуксовка. Молодые не могут понять, что делать, куда вписаться. Стабиль-

ное общество — стабильнее воззрения. Они на перепутье.

— А что же вы, волки эстрады, театра и кино!

— Сидим, жуем воспоминания и говорим друг другу: «В наше время, в наше время...» Хотя это вообще не тема для разговора. У каждого поколения есть свой кайф, свои минусы и плюсы. Поэтому со своими мерками нельзя измерять чужие годы.

— И все-таки: есть в нынешнем времени какой-нибудь смак для вас, шестидесятников!

— Обобщать сложно. Есть люди, которые смогли переползти, остаться на плаву, в том числе и я, предположим. Но это не значит, что я не вижу того, что творится с моим поколением, будь то физики, химики, военные или артисты. Есть масса разбитых судеб. Большое количество людей — первачей напрочь выброшено из жизни, их нет. Хотя они делают вид, будто понимают, что происходит. Потому что они были в порядке, они когда-то диктовали.

— Скажите честно, на что вы живете?

— Кино не кормит, театр не кормит, преподавательская работа — тоже. Это смешно. Минусовка. Подкормишь студентов, чтобы не падали в голодный обморок, — и нет оклада. Спасает концертная деятельность. Для кормежки приходится выезжать минимум 5 раз в месяц.

— А спонсоры не помогают!

— Покажи мне их. О Шалыпине считаешь — уху приятно. Что это были за люди, Морозовы! По-настоящему обожающие искусство. Они помогали не для понты в общей тенденции, не для того, чтобы отмыть или замазать. А сейчас человек, не знающий слов «сценарий» и «пьеса», отстегивает, потому что якобы знает, что это ему нужно.

— Морозовых встречать не приходилось!

— Я не видел. Более или менее приличные попадались. Но глобальных обожателей театра или кино из среды толстосумов не встречал. Но надеюсь, что они появятся. Я ведь вялый оптимист.

— Оптимист — это понятно. А почему вялый?

— Есть люди, которые упорно глобально. Они всегда выигрывают. Гурченко, Гундарева, Андрюша Миронов покой-

ный, Гафт, Табаков. Они патологически обожают играть. А я терпеть не могу.

— Как же вы столько лет играете!

— Через «Недоросль».

— Что же вы тогда любите!

— Люблю не играть. Преподавать в институте люблю, рыбу удить. Я полущучу, но...

— По-моему, вялый оптимист Ширвиндт добился в жизни многого. А если бы он еще и уперся!

— Было бы что-то неслыханное.

— Ваши ближайшие планы!

— Буду репетировать в театре пьесу Радзинского, снимается кино. Спектакль на пьесы: Гурченко, двое молодых и мы с Державиным. К осени, думаю, сделаем.

В кино пока перспектив нет. Дают роли, но денег не платят, а если и платят, то условные. Но можно и без денег сняться, если это фантастически интересная роль и знаешь, что с этого что-то получится. Жаль истратить год жизни, который потом положат в сейф.

— Вы пишете что-то сейчас!

— С Бугаровским написал книгу. Про меня. Называется «Былое без дум». Иронические воспоминания из жизни.

— А эстрадные какие-то вещи!

— Когда есть необходимость, бросаюсь с Державиным в омут. Сделали хорошую программу с Аркановым для Вינוкура. Называется «Выхожу один я...» Очень смешной получился спектакль. Сейчас Володя хочет опять нас с Аркановым на это сподобить. Нужно поглубже вздохнуть, закуриться. Программа — шутка ли!

— Вам должно быть жутко интересно что-нибудь новое начать!

— Вообще-то я не ленивый, а старый. Через все уже прошел. Когда-то была идея попробовать все. На радио сделал передачу, был режиссером театра, монтировал пленку, накладывал музыку. Малость побаловался, и надоело. На телевидении также снимали мои передачи юмористические, спектакли. На эстраде тоже много работал. Были такие Маврыкиевна и Никитична знаменитые. Этот дуэт родил я.

— Вы для них писали!

— Я придумал их. Потом писал, пока не умерли. А сейчас дал того, чтобы увлечься, нужно придумать то, чего еще не делал. Вот смотрю на молодых и по-хорошему им завидую. Ведь они еще горят.

«Помнишь древний анекдот? «Старый и молодой бык стоят на горе и смотрят вниз на стадо. Старый, с кольцом в носу, беззубый. Молодой весь из себя, красивый. От нетерпения копитом землю бьет: — Смотри, одна буренка отбилась! Давай мы ее оттесним и...»

— Перестань суетиться, — говорит старый. — Сейчас спокойно спустимся и перепортим все стадо».

— Вы хотите сказать, что «перегорели»? А мне, зрителю, кажется, что вы еще опасны. Я имею в виду в первую очередь — для творческих буренок.

— Спасибо. Передай буренкам, что я постараясь.

Юрий КУЛИБАБА,
Днепропетровск.